

*Посвящается мечтам,
которые просачиваются сквозь пальцы.
Пусть однажды нам удастся удержать их в руках.*

26 ноября 2016 года
ПАЛМ-БИЧ

Вскоре после двенадцати, в ту магическую волнуощую пору, когда ночь уже начинает убывать, услужливый человек в темном костюме привозит к воротам роскошной виллы на Палм-Бич изящную корзину с пышным красным бантом. Вручив ее, он так же быстро, как приехал, уезжает на серебристом *Rolls-Royce*, принадлежащем одному из самых знаменитых жителей острова.

Корзину забирает женщина. Когда ее вечер подходит к концу, она разворачивает посылку в святилище своей гостиниой, оформленной в сочных тонах. Знакомые французские слова все проясняют.

По щеке скатывается слеза.

Фольга хрустит в ладони. Прохладное стекло успокаивает кожу, как бальзам. Кажется, что шампанское ожидало ее во льду все эти годы. Она несет бутылку к стойке бара, унизанные кольцами пальцы, дрожа, снимают оплетку.

Хлопок вылетевшей пробки дерзко разрывает тишину ночи. Уже поздно, но повод слишком значителен, чтобы оставить его без внимания. Скоро ночной покой нарушат другие звуки: звонок телефона, голоса родных и друзей,

поздравления с окончанием войны, которая казалась бесконечной. Но это все потом, а сейчас...

Пузырьки шампанского взрываются у нее на языке. Это вкус победы и поражения, любви и утраты, ночей веселья и упадка в Гаване, дней изгнания в Палм-Бич... Она молча поднимает бокал. Вид собственной руки — руки уже немолодой женщины — до сих пор ей непривычен. «Выдержанная» кожа, которую не разгладит ни один пластический хирург, насмешливо указывает на то, что нет вора более жестокого, чем время.

Когда она успела так постареть?

Записки в корзине нет, но и не нужно. Кто мог прислать этот подарок — такой дорогой и так о многом говорящий именно ей?

Только он.

Глава 1

Январь 1960 года
ПАЛМ-БИЧ

Чем более успешно женщина коллекционирует предложения руки и сердца, тем более эксцентрическая слава ее окружает. Одно предложение совершенно необходимо для того, чтобы тобой восхищались в приличном (ну, или не очень приличном) обществе. После второго ты становишься желанной гостьей на вечеринках, после третьего приобретаешь легкий ореол таинственности. Четвертое — это уже скандал, а пятое делает тебя легендой.

Я смотрю на мужчину, стоящего передо мной на одном колене. *Как его зовут?* От избытка шампанского и дури он вот-вот потеряет равновесие и рухнет. Это двоюродный племянник distinguished Престонов, некровный родственник бывшего вице-президента, кузен действующего сенатора. Его смокинг элегантен, состояние, вероятно, довольно скромно (хотя тетушкино завещание вселяет оптимизм), подбородок недоразвит, оттого что Престоны слишком часто женились на Престолах.

Эндрю? Или Альберт? А может, Адам?

Мы всего несколько раз виделись на вечеринках вроде этой. В Гаване я была королевой таких праздников,

а здесь, на Палм-Бич, вынуждена радоваться, что меня вообще пригласили. Дальний родственник американской знати — это, пожалуй, не такая уж плохая партия. Нищим, как говорится, не пристало быть разборчивыми, а беженцам тем более. Разумно было бы принять это предложение (счастливый пятый номер в моей коллекции) и следом за сестрой Элизой отправиться в святилище законного брака.

Но какая мне от этого радость?

Шепоток шуршит по моему платью, у всех на устах мое имя — Беатрис Перес, — спиной я чувствую тяжесть любопытных взглядов, слова ползут ко мне, цепляются за мой подол, срывают с моей шеи фальшивые бриллианты и швыряют их на пол.

Вы только поглядите на нее!

Высокомерная, как вся их семейка! Пора бы им уже понять, что здесь не Куба!

Посмотрите на ее бедра, на ее платье!

— *Разве Пересы не все потеряли? Разве Фидель Кастро не национализировал сахарные плантации ее отца?*

— *Есть ли у нее стыд?*

Я широко улыбаюсь: моя улыбка лучезарнее, но не подлиннее моих бриллиантов. Не останавливая взгляда ни на Александре, который похож на сухопутного человека, оказавшегося в шторм на корабле, ни на блюстителей светских порядков, которые мечут в меня громы и молнии, я нахожу в толпе Изабеллу и Элизу. Мои сестры стоят в углу с бокалами шампанского в руках, своим видом напоминая мне о том, что никогда и ни перед чем не нужно сгибаться.

Я храбро смотрю на Элистера.

— Спасибо, но я вынуждена отказаться.

Я стараюсь придать своему тону непринужденность, показывая, что воспринимаю все это как шутку, причем пьяную. Надеюсь, так и есть? Люди ведь не влюбляются и не делают предложение одним махом? В любом случае ситуация... неловкая.

Бедный Артур, похоже, ошарашен моим ответом. Может, он и не шутил.

Постепенно он приходит в себя. Беззаботная улыбка, которая была на его лице до того, как он упал на колени, возвращается, став еще шире. По-видимому, он вернулся в естественное для него состояние полной удовлетворенности собой и своим миром. Я протягиваю ему руку, он хватается за нее липкой ладонью и, качнувшись, встает. С его губ срывается звук, похожий на хрюканье.

Он прищуривается. Его глаза теперь на одном уровне с моими. Ну или почти на одном: туфли, позаимствованные у Изабеллы, добавляют мне пару дюймов.

Блеском во взгляде Элек напоминает ребенка, который собирается устроить зрелищную истерику в отместку за то, что у него отняли любимую игрушку.

— Позвольте предположить: на Кубе остался кто-то, к кому вы неравнодушны? — спрашивает он так едко, что я кожей ощущаю покалывание.

На моем лице снова вспыхивает унаследованная от матери бриллиантовая улыбка. Блеск ее острых граней предупреждает: не подходи, я тоже умею кусаться!

— Вы почти угадали, — лгу я.

Презрительное фырканье, вздохи и шелест платьев, сшитых на заказ, свидетельствуют о том, что общество

отвратило от меня свое высокое внимание. Ведь теперь один из них уже не стоит, преклонив колено, перед какой-то выскочкой, чье присутствие они вынуждены терпеть. Денег и влияния у нашей семьи достаточно (в Америке сахар почти так же прибылен, как на Кубе), чтобы нас нельзя было просто отрезать, но далеко не достаточно, чтобы местная светская публика не смотрела на нас, как стая лоснящихся волков на кусок мяса. По милости Фиделя Кастро мы столько потеряли, что уже за это я вонзила бы нож в его сердце.

Вдруг стены зала становятся для меня слишком тесными, освещение слишком ярким, лиф слишком тугим.

Прошел уже почти год с тех пор, как мы покинули Кубу. Изначально мы думали, будто отлучаемся на каких-нибудь несколько месяцев, однако потом мир понял, что Фидель Кастро сделал с нашим островом, и Америка приняла нас в свои любящие объятия. Почти.

Я окружена людьми, прячущими презрительное нежелание меня видеть за вежливыми улыбками и неискренними изъявлениями сочувствия. Они воротят от нашей семьи свои патрицианские носы, потому что мы не жили здесь со дня открытия Америки и не из Англии сюда приплыли. Моя кожа чересчур темная, манера речи выдает во мне иностранку, я чересчур католичка и фамилия у меня чересчур кубинская.

Пожилая женщина, и цветом, и чертами лица похожая на моего несостоявшегося жениха, молниеносно приблизилась к нам и увлекла его за собой, смерив меня уничтожающим взглядом, который, по ее замыслу, должен был сбить мою «спесь». Через секунду я, окутанная шлейфом ее духов «Живанши», вновь остаюсь одна.

Будь на то моя воля, наша семья не ездила бы на подобные вечеринки, не пыталась бы снискать расположение местного общества. Но дело не в том, чего хочу я. Дело в моей матери, в моих сестрах, в том, что отцу нужны связи, чтобы расширить свою деловую империю и защитить нас от новых ударов.

И, конечно же, как всегда, дело в Алехандро.

Подобрав край платья, чтобы не порвать тонкую ткань, я направляюсь к одному из балконов. Проскальзываю в открытые двери бальной залы и ступаю на каменную террасу. Мой подол подхватывает бриз. Чувствуется легкая прохлада, ясное небо усыпано звездами, светит полная луна. Вдалеке монотонно рокочет океан. Это звук моего детства и моей юности, манящий меня, как пение сирен. Я закрываю глаза, которым вдруг стало горячо, и представляю себя на другом балконе, в другой стране, в другие времена. Что, если махнуть рукой на эту вечеринку и отправиться на пляж: сбросить неудобные туфли, пройти, подгибая пальцы, по песку, намочить лодыжки в океанской воде?

По щеке скатывается слеза. Я никогда не думала, что человек может так тосковать по месту.

Отерев лицо тыльной стороной руки, я перевожу взгляд за балюстраду, на пальмы, качающие листьями.

Какой-то мужчина стоит, опершись о перила. Одна половина его лица скрыта темнотой, другая освещена лунным лучом. Он высокий, волосы светлые, с оттенком рыжего. Руки широко расставлены, плечи натягивают сшитый по мерке смокинг.

Я делаю шаг назад, он поворачивается.

Я застываю.

Вот это да!

Чем чаще ты слышишь от окружающих, что ты красива, тем меньше для тебя значат эти слова. В чем заключается «красота»? Если кто-то считает черты твоего лица приятными, это ведь только дело его вкуса! «Красота» не соотносится напрямую с другими качествами: с тем, насколько человек умен, интересен, смел. И все-таки...

Этот мужчина красив. Потрясающе красив.

Он стоит как на портрете, написанном широкими сочными мазками. Его лицо, словно бы обессмерченное свободными движениями кисти, кажется мне лицом бога, сошедшего на землю, чтобы вмешаться в людские дела.

Этот мужчина раздражающе красив.

Он производит впечатление человека, которому не приходилось беспокоиться о том, будет ли у него крыша над головой и не умрет ли его отец в клетке с восьмью другими заключенными. Он явно никогда не спасался бегством из единственного известного ему мира. Нет, он из тех, кому твердят, что они совершенство, с момента пробуждения и до тех пор, пока голова не коснется подушки.

Он тоже меня заметил.

Золотой Мальчик прислонился к балюстраде, большие руки скрещены на груди. Его глаза начинают путешествие по мне: от темных волос, над которыми мы с Изабеллой, проклиная отсутствие служанки, колдовали целый час, взгляд переходит на мое лицо, от лица на грудь, открытую глубоким декольте, на безвкусные фальшивые бриллианты (из-за них я сама вдруг начинаю казаться себе дешевой, самозванкой), потом на талию и бедра.

Я делаю еще один шаг назад.

— Могу ли я называть вас кузиной?

Его слова остановили меня, как если бы он рукой удержал меня за пояс. Видимо, Золотой Мальчик привык без всякого труда подчинять других своей воле.

Ненавижу подобных людей.

Такая манера речи, как у него, в этой стране, насколько я успела заметить, служит своеобразным эквивалентом денег. Он говорит ровно, хрустко, без намека на акцент — по крайней мере на тот, который нежелателен. В голосе этого человека чувствуется уверенность в том, что каждое его слово собеседник впитает, как губка.

Я вздергиваю бровь.

— Простите?

Он отталкивается от перил, длинные ноги пересекают разделяющее нас расстояние. Когда он останавливается, мне приходится задрать голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

Они голубые, как вода в глубоких местах возле гаванской набережной Малекон.

Не прерывая зрительного контакта, он едва дотрагивается большим пальцем до моего безымянного пальца без кольца. Это прикосновение резко развеивает тот сон, который на протяжении нескольких часов навевал на меня скучный вечер. Он кривит рот в улыбке, вокруг глаз появляются маленькие морщинки. Приятно видеть, что и у богов есть недостатки.

— Эндрю — мой кузен, — объясняет он таким тоном, будто мое недоумение кажется ему слегка забавным.

Именно слегка. По моим наблюдениям, те богачи, которые действительно по-прежнему богаты, умудряются